

И. Ю. Котин

**БЫТЬ БРИТАНЦЕМ / БЫТЬ «АЗИАТОМ» —
ДИЛЕММА БРИТАНСКИХ «АЗИАТОВ»
В ПОЭЗИИ ДАЛДЖИТА НАГРА¹**

Индийцы, пакистанцы, бангладешцы мигрировали в Великобританию, Канаду, США, другие страны, где возникли многочисленные общины выходцев из Южной Азии [1]. В настоящее время в этих странах проживают уже миллионы индо-британцев, индо-канадцев, американцев южноазиатского происхождения. В одной Великобритании их уже более двух миллионов человек [2]. Согласно данным переписи населения, произведенной в 2001 г., число «азиатов» в Великобритании было определено как 2 081 252 чел. Из них 1 051 831 чел. отнес себя к индийцам, 746 612 — к пакистанцам, 282 808 — к бангладешцам, в то время как к «другим азиатам» отнесли себя 247 466 чел., часть из которых — потомки индийцев, пакистанцев и бангладешцев, рожденные в Британии и не склонные идентифицировать себя со страной происхождения. Данные переписи населения Великобритании 2011 г. еще не опубликованы, но по предварительным оценкам уже более четырех миллионов выходцев из Южной Азии проживает в Соединенном Королевстве [3, р. 2]. Следует отметить, что по сравнению с 1991 г. число индийцев выросло в 2001 г. на 25,2, пакистанцев — на 56,7, а бангладешцев — на 73,7%. Эти группы показали высокий рост, значительно превышающий рост «белого» большинства, да и значительной части меньшинств. Вместе индийцы, пакистанцы и бангладешцы, объединенные в категорию «южноазиаты», составляют крупнейшее этнорасовое меньшинство страны.

41,3% британских индийцев, т. е. 347 091 из 840 255 чел. проживали в Большом Лондоне. Индийцы селятся преимущественно в районах Эктон и Саутолл округа Илинг на юго-западе Лондона (близ аэропорта Хитроу), а также в районах Хаунслоу, Харроу, Уимблдон, Баркинг, Саут Вудфорд. Бывшие беженцы из Восточной Африки селятся в Харроу и Уимблдоне. Мусульмане-ахмадийцы расселены компактно вблизи религиозного центра в Мертоне на юге Лондона. Бангладешцы проживают также в Нью(х)эме, Тауэр Хэмлетс.

Представители второго и третьего поколений индийцев, пакистанцев, бангладешцев за рубежом пытаются осмыслить опыт иммигрантов и этнорасовых меньшинств. Голос индийской диаспоры звучит на английском и индийских языках устами героев многочисленных романов и кинофильмов [4]. На английском языке с примесью слов хинди, пенджаби, бенгальского создается лирика индийской диаспоры — преимущественно песенная в стиле *бхангра*, известном как индийский

Котин Игорь Юрьевич — д-р ист. наук, Санкт-Петербургский государственный университет; ст. науч. сотр. МАЭ РАН (Кунсткамера); e-mail: igorkotin@mail.ru

¹ Статья подготовлена в Санкт-Петербургском Государственном Университете в рамках гос. задания (раздел 0110 КОСГУ 222), шифр ИАС (2.23.48.2013), (поездка для работы в библиотеке университета г. Вроцлава (Польша), апрель 2013 г.)

© И. Ю. Котин, 2013

хип-хоп, а также поэзия, ориентирующаяся на классические образцы, сочетающая темы и лексику языков Индии и опыт индийской диаспоры.

Томик стихов Далджита Награ «Look We Have Coming to Dover!» (2007) [5] — это издание престижного лондонского дома «Фабер и Фабер», специализирующегося на качественной книжной продукции — классике английской литературы, биографиях, литературоведческих исследованиях. И вот — в бордовой обложке — первый небольшой сборник с названием, некоторой неправильностью оборота намекающим, что перед нами — «Одиссея» человека, «прибывшего» в Англию издалека. Впрочем, несмотря на пенджабские корни, автор — англо-пенджабский поэт, лауреат нескольких престижных литературных премий, иммигрант во втором поколении — родившийся в Англии британец. Язык, на котором он пишет, он называет *пенглишем* — пенджабским английским, хотя это все-таки английский с вкраплениями пенджабских слов [6].

Как гласит краткая справка об авторе, Далджит Награ родился в 1966 г., преподает английский язык в одной из лондонских школ. Он — лауреат ряда престижных британских конкурсов поэзии, автор многочисленных публикаций в британских и зарубежных журналах и альманахах, участник многочисленных поэтических состязаний и прочих мероприятий, которыми богата Англия, по-прежнему равнодушная к поэзии и эпатажу. Интереснейший поэт Далджит Награ вошел в английскую литературу под эпатажным псевдонимом «Хан Сингх Кумар», включающим в себя типичные окончания «фамилий» мусульман — Хан, сикхов — Сингх и индусов — Кумар. От лица Хана Сингха Кумара написано Далджитом Награ такое стихотворение:

Вы заказывали Хана Сингха Кумара?

Скажите, мне к лицу эта маска, не подошедшая бритту?

Или мне позволено сорвать свою черную кожу?

С вами поэт из гетто Хан Сингх Кумар говорит —

Или поэту из гетто душу раскрыть не положено?

Должен ли я, пенджабец, говорить на пенджабском сленге?

Здесь, на острове, на британском ленде.

Вы позвали меня заполнить эту лакуну!

Я пришел заполнить эту лакуну.

Хорошо ли мне быть затычкой в бутылке?

Как вести себя, если ты — затычка в бутылке?

Ваше ружье стреляет — я ли серый дымок?

Если вы на охоте — не за мной ли помчится бульдог?

Позволено ли мне мелом моей души

Писать стихи на черной доске моей кожи?

Все ли слова позволены? Все ли они хороши?

Или, как Гангадин, я должен всегда быть хорошим?

Вы позвали меня заполнить эту лакуну!

Я пришел заполнить эту лакуну.

Хорошо ли мне быть затычкой в бутылке?

Как вести себя, если ты — затычка в бутылке?

У меня жена в сари и английская роза в петлице,

Могу я полакомиться от мультикультурного пирога?

Чем себя наградите, позволив со мной водиться?

Как далеко в ваш мир ступит моя нога?

Мне нет дела до ваших аплодисментов —
Сухих и пустых, как раковина, но я хотел бы знать —
До какой границы, до какого момента
Могу, разорвав оболочку, я в британца играть... [5, р. 6–7]².

Примечательно обращение к образу Гангадина — «хорошего индийца» из баллады Киплинга, функция которого — жить и умереть за «белого сахиба». Жить и умереть за «белого господина» Хан Сингх Кумар не намерен. Позднее Далджит Награ отказался от псевдонима, ибо он уже вошел в современную английскую литературу и более не нуждался в масках. К тому же вкусы и интересы Награ не замыкаются темой индийской диаспоры. Но нас интересует прежде всего эта тема. И начинает ее разработку Далджит Награ с рассказа о первопроходце — одном из первых индийцев, оказавшихся в Англии и наладивших цепь миграции из родной деревни в Ангрестан (т. е. в «страну ангрезов») — так в Южной Азии называют Англию (отмечу, что в английском оригинале дано просто название England, но в конце сборника прилагается словарь пенджаби-ангрести (пенджабско-английский), что позволило ввести в перевод производную от «ангрести» — Ангрестан). Итак, вот рассказ о «первопроходце»:

Прелюдия

Он первым из наших мест
Недорогим пароходом
Прибыл в Ангрестан.
Год работы в две смены
И вот уже новый «Энфилд»
Красуется в его доме —
Черное с серебром.
Он был для нас как витрина,
Мы же бросали байки
У дома
И шли послушать
О быстрых деньгах рассказ.
И я пересек те воды,
Как многие англичане,
Прославившие свое имя
Походами за моря.
Я добрался до дома
Нашего первопроходца —
Вот он, покрытый граффити,
Старый сырой сарай.
Он бросил доску на ванну
И назвал это спальней,
Сказав, что у многих приезжих
Нет и такого жилья.
Слил в туалете воду. И направился в кухню,
Где накормил меня старым
Чапатти³ из коробка.

² Все стихи даны в переводе автора статьи.

³ Индийский недрожжевой хлеб из просяной, реже — пшеничной муки.

А я ведь жену оставил
 И работу на почте
 В своей любимой деревне,
 Все это потому,
Что этот бывший пропойца,
 Сын уборщика улиц,
 Судя по его письмам,
 Здесь быстро разбогател.

Когда я его пытаю:
 Где же эта халява?
 Простая такая работа —
 На кнопочки нажимать?
Он сквозь желтые зубы
 Неприятно смеется,
 Он сед, и глаза его впали —
 Проклятый ходячий труп... [5, p. 5].

Неприглядная картина, не правда ли? Но и мир, в котором живет Далджит Награ, далек от идеального. Он родился в семье пенджабцев, тяжким трудом скопивших на домик в самом индийском местечке Лондона — Саутхолле. Не его ли зарисовка дана в стихотворении Награ «Наш городок со всей Индией в нем»?

Наш городок в Англии вмещает всю Индию
С ее гурдварами⁴, мандирами и мечетями,
Наш проспект желтеет не от униформ оранжистов,
Но от шафрана индусских флагов.
Наш апрельский Вайсакхи⁵
Заглушает Пасху,
А безумье при полной луне —
Признак Ида
С его танцами до утра
И кухней тандури⁶.
У нас костры Гая Фокса
Сливаются с огнями Дивали —
Праздника возвращения
Нашего Одиссея — Рамы
К своей по-пенелопьи преданной Сите.
У нас звучат хиты Болливуда
И ритмы Бхангра,
Передаваемые нашей Санрайз Радио.
В магазинах звучат звуки ситара —
Там, где бренчали регги каррибцев,
Где когда-то тусовались стилиги...
На витринах наших кафе —
Баррикады шафранных сластей,
И джалеби, пропитанные сиропом,
Сплетающиеся в паутину, как наши кланы... [5, p. 12–13].

⁴ Сикхский молельный дом.

⁵ Сикхский Новый Год.

⁶ Североиндийская кухня.

Это стихотворение дает весьма подробную картину того, что увидит в Саутхолле каждый приезжий. Район Саутхолл почти на сто процентов населен индийцами, преимущественно пенджабцами. Неудивительно, что здесь много мечетей, индуских храмов — *мандиров*, и особенно — сикхских молельных домов — *гурдвар*. Повсюду видны священные для индусов и сикхов шафрановые одеяния, религиозные флаги и драпировки, сравниваемые здесь с желтыми цветами униформ «оранжистов» — сторонников твердой власти протестантского короля (королевы). В Саутхолле все довольно мирно. Здесь даже кровь на разделочных досках мясных лавок давно стерта. Индусы — преимущественно вегетарианцы. Не столь строгие вегетарианцы — сикхи также разделяют любовь к овощам и фруктам, обильно расставленным на лотках Саутхолла. Индусские и сикхские праздники заглушают английские. Индусский праздник Дивали по времени приблизительно совпадает с Ночью Гая Фокса, Пасха — с сикхским днем создания хальсы — Вайсакхи. Отсюда сравнение формы их празднования.

Кажется, увиденное нами — сплошной праздник, но Далджит Награ напоминает и о проблемах — о конфликте вследствие разницы ценностей в стране происхождения и принимающей стране. Горечью пропитано стихотворение Награ «Саджид Накви», настоящий реквием по умершему другу:

Мы нашли нашего друга в Нисдене,
В его комнатухе мертвым, удар сердечный
Он не перенес, и родня сердечно
Позвала нас в мечеть, где мы издали

Наблюдали, как нашего Саджа
Пакуют в гроб, убирают сажу
Усталости с лика, покрывают его глазурью,
Превращая его в яблоко или в глазунью.

Бедняга, он мог упрямо
Ночами считать задачки из Смита,
Теперь сердито
Кто-то бормочет бессчетное из Корана.

Его разведенная мать осталась в своей глуши,
Отец из Дарби все сделал от всей души,
Чтоб отправить сына на последний печальный пост —
В Суррей, в его глубинку, на шиитский погост.

Там звучали молитвы, а позже комья земли
Падали в глубину, откуда мы не могли
Забрать нашего Саджа... [5, p.10].

Стихотворения цикла, посвященного будням и праздникам индийских иммигрантов, — своеобразные истории из жизни рассказчика, баллады в духе песен Галлича или Высоцкого. О желании выразить свою индийскую «составляющую» устами героев своих стихотворений говорит и сам Далджит Награ в интервью, данном им корреспонденту газеты «Гардиан»: «Я работаю в школе, я преподаю английский язык, я живу английским языком, дышу им все время, (при этом) часть меня также хочет быть индийцем» [7]. Далджит Награ вкладывает истории в уста героев разно-

го пола, возраста, профессии. Вот, например, история, рассказанная девушкой-пенджабкой, посетившей родину предков. У стихотворения — эпиграф из «Тамерлана» Кристофера Мэрло: «Я планирую прорыть канал... По которому можно было бы быстро доплыть до Индии». Примечательно, что таким каналом для героини Далджита Награ стал «Аэрофлот» советского времени, дешево и скоро доставлявший индийцев из Лондона в Дели и обратно с остановкой в Москве. Итак, вот история индийской невесты:

За богатством Индии

«Аэрофлот» на родину предков
В момент нас доставил,
Как по туннелю,
Сократив расстоянья,
И вот мы — дома.
Штурмом взят Джалландхар
С его базарами,
Ценами, сбитыми еще
Тетушкой из Уолсала,
С бутиками.
Мы разоряем их
С Мамми. Она повела бровью
И кто-то с «фантой»
По кивку золотозубого босса
Крутится возле нас:
«Господи, благослови Вас, Мэм-сахиб»
Но пинками
Я отгоняю его как крысу
Шпильками тувель...
...Местные глазают на нас,
Но Мамми ослепляет их золотым блеском
Своего «Ролекса», усыпанного
Бриллиантами. Интересно, ее родня
Еще прозябает здесь, в этих отбросах,
В этой вони?! Мы же спешим упаковать
Наши покупки: баулы, мешки, чемоданы,
Отдаем их рикше со словами: «Джалди»,
«Джалди!» Быстрей в Британию!
Вон отсюда! По дороге бросаем пенни
Чему-то безногому, валяющемуся у дороги... [5, p. 8–9].

По стихам Далджита Награ можно было бы проследить географию индийского расселения в Англии. Уолсал — рабочее предместье Бирмингема. Саутхолл — «маленькая Индия» в графстве Мидлсекс, фактически — район Большого Лондона. Харроу — престижный лондонский район, где стараются селиться наиболее благополучные индийцы. Нисден из предыдущего стихотворения — также район концентрации индийцев, место расположения знаменитого индусского храма Шри Лакшми Нараян. В этих районах женщины ходят в широких штанах — шальвар и рубахах —

камиз, а мусульманки нередко и в парандже. Мужчины-сикхи часто носят тюрбаны, не стригут бород. Но это все характерно для представителей старшего поколения. Молодежь же разрывается между семьей и школой, затем — университетом и офисом, где другие жизненные установки, одежда, запахи, стиль поведения. Порой молодые индийцы стесняются своих родителей. Чувства одного из таких пенджабских мальчиков, впоследствии переживавшего вынужденную двойственность поведения, выражает Далджит Награ в стихотворении «В городе белых». Заметим, что здесь — явное противопоставление «города белых» — «нашему городку со всей Индией в нем». В первом случае речь идет о преимущественно «белом» районе Лондона или другого британского города, например, Ивзли, где прошла юность поэта. В таком районе или городке женщина в шальвар-камиз, мать лирического героя, от лица которого идет рассказ, — явление необычное. Вот этот рассказ, исполненный глубоких переживаний героя за разлад, вызванный «чужестью», «потусторонностью» его мира и мира его матери:

Со своим камизом и в широченных штанах
Как была она непохожа на остальных мамаш!
Видя такую маму, и мне говорили: «Не наш»!
Оглядываясь на нее, слыша странный запах
Карри, видя ее жирных волос пробор,
Розовые сандалии. Все это — приговор.
Я задерживал шторы, обливал холл
Английским спреем лаванды, дверь открывать не шел.
Если родителей звали, записки в ведро бросал.
Даже когда пытали — адрес не выдавал.
Я бы чувствовал себя здесь дома,
Но стеснялся знакомых,
Видевших ее на рынке, задевавшую там
Своим неуклюжим телом английских дам.
Даже в библиотеке, где я делал уроки,
От нее не спрятаться, как от мороки.
Она приходила за мной, выглядывала в окно,
Пока не найдет меня, но нас разделяло стекло.
А если мы были вдвоем, она смеялась
Над моим неуклюжим пенджаби: «Еще ведь малость
И ты станешь “белым” — истинным “гора”⁷,
Лишь невеста из Индии спасет тебя от позора».
Что же нынче я, когда ее навещаю,
Иное смущение ощущаю?!
Она хочет обнять меня — сердце дрогнет!
Я хотел бы броситься милой в ноги! [5, р. 18–19].

Здесь оба героя — и рассказчик, и его мать — жертвы. Они — жертвы временного и, быть может, сомнительного успеха, принесенного иммиграцией, жертвы раскола между миром представлений матери, впитанных ею в Индии, и миром образов, системой ценностей сына, родившегося или выросшего уже в Англии. Здесь

⁷ Гора (хинди, урду, пенджаби) — белый, белокожий.

в поэзии Далджита Награ возникает тема мультикультурализма. Пять процентов «цветного» населения внешне отличны от «белого большинства», сохраняют национальную одежду и обычаи, кухню, ярко выделяются на «белом, английском протестантском фоне».

Дети вынуждены приспосабливаться к существованию в двух мирах, как это делает, например, сикхская девочка Рупиндер, от лица которой написано следующее стихотворение Далджита Награ:

Рассказ Рупиндер

Мы с отцом смотрели по видео
Нашу классику «Амар, Акбар, Антони»
О трех братьях, украденных гангстерами
(Есть кассеты с субтитрами, мисс).
И вот Антони, усыновленный католиками,
Молит Мадонну найти родителей,
И когда он начал молитву: «О дева Мария, О дева Мария? О...»,
Я не выдержала и тоже бросилась на пол:
«О дева Мария, О дева Мария? О...»,
Крестясь, как он, и совершая поклоны.
Отец взглянул на меня и постучал по тюрбану,
Так, что я подумала, что тюрбан размотается,
Как бывает, когда отец потирает виски,
И лицо его побагровело. Он погрозил мне:
«Ты решила, что жена Белого бога — твоя мать, идиотка!»
Папа бывает странным. Иногда он даже кричит
И грозит отдать меня в сикхскую школу,
Настоящую школу, мисс.
Поэтому я сделала то, что делает в храме мой кузен Ашок,
Когда все, закончив молитву, повторяют в школе:
«О дева Мария, О дева Мария? О...»,
Он представляет вместо одного Вашего распятого Бога,
Золотой Храм и десять наших бородатых богов, и,
Как все мы в воскресенье, мычит:
«Вахе Гуру, Вахе Гуру!»
Вот так... [5, р. 30–31].

Данная ситуация — трагикомична. Другая история, рассказанная молодым сикхом, комедийна. Действия в ней почти нет. Это сатирическая зарисовка образа жизни молодого сикха, которому выпала самая типичная для индийца доля — доля владельца или управляющего небольшого магазинчика. Стихотворение называется «Sikh Song» — «Песня Сикха». Оригинал написан на смеси литературного английского, ирландского сленга и индийского английского. Скорее всего, магазинчик упомянутого сикха расположен в Саутхолле, где как раз немало индийцев и ирландцев.

Я торгую в одной из отцовских лавок
С девяти утра до девяти вечера,
Отец не разрешает мне закрывать магазин на обед,
Но когда посетителей нет,
Я закрываю лавку, и спешу наверх,

Где меня ждет моя молодая невеста,
И с которой я делюсь чапатти с чатни⁸,
С которой мы занимаемся любовью,
Как греблей в Патни.

Когда я возвращаюсь в лавку, застегиваясь на ходу,
Продавцы смеются и тычут в меня пальцами:
Эй Сингх! Где ты был?
Твои лимоны прокисли,
Бананы переспели,
А пол нуждается в мокрой щетке!
В этом худшем индийском магазине
На всей индийской улице! [5, p. 51].

В Великобритании в настоящее время проживают три поколения выходцев из Южной Азии. Второе поколение — самое многочисленное, однако первое поколение южноазиатов, т. е. собственно иммигранты, занимают положение глав больших семей, лидеров общин, активистов религиозных организаций при храмах и гурдварах, шейхов суфийских орденов (*тарики*) и сохраняют влияние, диктуют своим почитателям приверженность традициям.

Очевидно, что в 1950-е годы индийцы и пакистанцы прибывали в Соединенное Королевство как дешевая рабочая сила. Тогда подавляющее большинство иммигрантов составляли молодые трудоспособные мужчины. Самую крупную группу индийских иммигрантов в тот период составляли фабрично-заводские рабочие, кондукторы автобусов (13%), почтальоны или сортировщики почты (12%), продавцы (9%). В текстильной промышленности пакистанцы составляли большинство неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Но в 1980-х ситуация в Альбионе изменилась.

С одной стороны, наметился кризис ряда отраслей, где были заняты именно иммигранты, а в стране в целом — тенденция на модернизацию производства, сопровождавшаяся введением новых технологий, использованием техники и увольнением неквалифицированных рабочих, занятых физическим трудом, т. е. прежде всего — иммигрантов. С другой стороны, в начале 1980-х годов правительство М. Тэтчер ввело систему кредитования мелкого бизнеса. Выходцы из Индии, Пакистана и Бангладеш наряду с восточноафриканскими «азиатами» довольно успешно использовали эту систему. Многие из них стали самостоятельными предпринимателями. Упомянутые факты позволяют объяснить массовый переход южноазиатов к мелкому предпринимательству как вытеснением их из основной экономики, так и их предрасположенностью к предпринимательской деятельности или стремлением к поддержанию или повышению социального статуса в системе координат страны выхода. По различным данным в 1980-х годах около 10% выходцев из Южной Азии имели собственное дело и еще около 15% работали в семейных предприятиях. Пакистанский исследователь Т. Маудуд говорит об 1/3 «азиатов» как о занятых в семейном бизнесе. Кроме того, семьи южноазиатов, особенно пакистанцев, совместно предпринимают действия по покупке, переоборудованию и перепродаже своих домов, которые формально не являются предпринимательской деятельностью, но на деле оказываются

⁸ Чатни — маринад, пикули, острая приправа.

таковой при бесплатной работе членов семьи, всебританском удорожании жилья и разнице цен между домами в зависимости от состояния последних.

В настоящее время выходцы из Южной Азии представлены мелкими предпринимателями, клерками, рабочими на предприятиях текстильной промышленности, в горячих цехах и на стройках, представителями свободных профессий. Есть среди них и более 300 миллионеров, причем 8 «азиатов» названы в числе двухсот богатейших людей страны. Наблюдается значительная разница между социально-экономическими характеристиками индийцев (среди которых немало представителей свободных профессий и предпринимателей), пакистанцев и бангладешцев (среди которых половина мужчин трудоспособного возраста — безработные). Большинство их содержит небольшие лавочки. Из-за конкуренции сетей супермагазинов эти лавочки в настоящее время не только не приносят значительных доходов, но часто убыточны. Они, однако, важны для поддержания имиджа семьи. Статус предпринимателя для жителя южноазиатской деревни выше статуса наемного работника. Большинство индийцев и пакистанцев имеют в Британии собственное жилье, что отличает их, например, от вест-индцев, в массе своей квартиросъемщиков. В последние десять лет отмечается массовое вхождение бангладешцев в ресторанный бизнес, однако они по-прежнему отстают по уровню жизни от других групп южноазиатов, селятся в муниципальных квартирах (индийцы и пакистанцы чаще покупают дома и квартиры), живут на пособия по безработице, а также занимаются организацией нелегальной иммиграции из стран выхода, торговлей наркотиками и т. д.

Предметом спроса остаются и брачные партнеры. В южноазиатских общинах Великобритании по-прежнему норма — брак по соглашению родителей. Хорошо известное в Индии, Пакистане, Бангладеш явление «arranged marriage» — брака по сговору родителей — сохраняется в южноазиатских этнических анклавах Лондона, Бирмингема, Манчестера, Ковентри, Лидса, Вулвергемптона. Об этом — рассказ Далджита Награ, переданный от лица жениха:

Брак поневоле (по воле родителей)

Вопреки моей воле
Моя глотка получила
изрядную порцию ладду
В сладком сиропе. Мама,
Накормив меня сладким,
В переполненном храме
Из крокодиловой сумки
Вынула кипу банкнот
И их дождем
Освятила церемонию,
Снимаемую на видео,
Затем и на невесту
Пролился денежный дождь,
А бабушка
Вогнала мне в рот
Новую партию ладду,
Так что крошки
Пролились подаяньем для мух,

А священник,
Начал читать молитву,
Так что всем пришлось встать,
Зомбируя меня и невесту,
Чьи движения повторялись
В замедленном ритме
В кадрах видео,
Где пони и обезьяны
Сменялись новобрачными.
Воздух пропах лавандой от моли,
И плыл, как сироп,
И в нем все двоилось.

Я молча сидел в ожерелье цветов,
Надев на тело необычных цветов
И фасона одежду, закопав в тюрбан
Голову и надежду, я слышал «Бам-бам»
Звуки гармонии. И тут мой дед,
Потерев ладони,

На своем «высокопарном» индийском
Вопросил: кто говорил
Что молодежь не ест нашу старую еду?
А вы видели, как мой внук уплетает ладду? [5, р. 20–21]

Ладду, как и джелеби — приторно сладкий пенджабский десерт, предмет гордости одних, неприязни других, здесь же шутливо символизирующий приторную сладость церемонии, в которой только главных героев — жениха и невесту не спросили о их желании как вступать в этот брак, так и угощаться ладду. Южноазиатские брачные традиции во многом определяют специфику семейной стратегии международной миграции и хозяйственной адаптации в инокультурной среде. Формальное заключение брака у жителей Индийского субконтинента совершается часто до достижения невестой брачного возраста. Это связано с бытующим на субконтиненте представлением о неспособности женщин устоять перед соблазнами. Большинство южноазиатских женщин выходит замуж в возрасте 13–18 лет. Вступление девушек в брак в более позднем возрасте считается проблематичным. Родители стремятся устроить судьбу своих дочерей как можно раньше. Поэтому у пакистанцев, индийцев и бангладешцев широко распространено заключение между родителями договоренности о браке их детей по достижении мужчинами определенного достатка и положения в обществе, а девушками — половой зрелости. Неудивительно, что жены в индийских, пакистанских и бангладешских семьях в среднем на десять лет моложе супругов. Это обстоятельство также объясняет нежелание родителей дать дочерям высшее образование, с чем связаны многие конфликты между поколениями.

Для южноазиатской молодежи представители других этнорасовых групп, пользующиеся большей сексуальной свободой, являются предметом подражания, зависти. Так, например, пенджабской девушке, героине Далджита Награ, ее чернокожая преподавательница английского языка кажется образцом эмансипированности и успеха. Это мисс Виктория, предмет восхищения пенджабской девушки Джасвиндер из истории «Jaswinder wishes it was easy being black». Напоминаю, что «чер-

Спускается ниже над процессиями слонов и козами,
Пятнами ползущими по склонам,
Над облезлыми деревьями и мычащими коровами,
Над крестьянами, из которых одни
Смотрят на него, задрав головы,
Другие приветливо машут
Руками среди подсолнухов.
Мой отец снижается и сажает свою
Кондиционированную машину у канавы,
Где ждет свою аудиторию...
Затем мой отец представляет свою старую деревню с домами,
Запертыми на всякие замки, ожидающими своих хозяев
С заработков за морями.
Местные старожилы приходят взглянуть на него и поклониться ему,
Пораженные исходящим от него золотым сиянием.
Он открывает багажник своего летучего «Амбассадора»
И достает из него коробки конфет, пакеты с шербетом,
Раздает упаковки цветного порошка и красок для Холи.
Мой отец мечтает устроить фейерверк для всех и угостить каждого... [5, с. 46–47]

Новая родина, в данном случае — Англия, не стала для индийцев новым раем. Отношение к ней, как и к стране происхождения, — непростое. Многие оттенки этой любви-ненависти, притяжения-отторжения, принадлежности-чуждости нашли отражение и в поэзии Далджита Награ. Неслучайно следующая книга Далджита Награ получила название «Невероятная игрушка — тигр султана Типу, питающийся “белыми людьми”» («Tippoo Sultan’s Incredible White-Man-Eating Tiger Toy-Machine!!!»). То же престижное издательство «Фабер и Фабер» выпустило эту книгу в 2011 г. Этот сборник стихотворений Далджита Награ продолжает тему предыдущей книги — «Индийцы в Британии», расширяет и развивает ее темой «Британцы в Индии». Сам Далджит Награ называет это «лингвистической *бхаджи*». Бхаджи — острая индийская смесь орехов, гороха, соли и специй. Это очень удачное определение для того, что мы найдем в книге. А вот как характеризует книгу сам Далджит Награ в аннотации, помещенной на страничке автора в Интернете: «...там Шекспир встречается с [Индийским] субконтинентом в серии форм от английских сонетов до “болливерса” [стихи по образцу текстов песен индийского кинематографа] и нежных песен [о любви], которые исполняются в сезон муссона. Сюжеты для этих стихов находятся в [“азиатских”] магазинчиках на углу, в классных кабинетах, на странных улицах “Лондинистана” и в уголках, где север Англии встречается с Пенджабом; от поэзии Ларкина до [индийских сладостей] ладду... “расовые отношения”, семейные склоки, культурное наследие, религиозная ревность, ... Редъярд Киплинг ...» [8].

Примечательно, что столь важный для индийской диаспоры текст, как «Рама-яна», привлек внимание рассматриваемого англо-пенджабского поэта. Третья книга Далджита Награ — «Рама-яна» — новое прочтение и своеобразное переложение для британского читателя темы скитаний Рамы — культовой фигуры для индусов, важнейшей символической фигуры в диаспоре. Ведь, как заметил литературовед Виджай Мишра, «в тексте [“Рама-яны”] есть, конечно, все, что созвучно рабочему (иммигранту. — *И. К.*): 14 лет изгнания эпического героя Рамы, испытания в черном

лесу Дандак, кража его жены демоном Раваной. Наконец, возвращение в мифическую Айодхью» [9, p. 122].

Литература

1. *Котин И. Ю.* Побег баньяна: Миграция населения из Индии и формирование «узлов» южно-азиатской диаспоры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 272 с.
2. *Котин И. Ю.* Тюрбан и «Юнион Джек». Выходцы из Южной Азии в Великобритании. СПб.: Наука, 2009. 228 с.
3. Office for National Statistics (UK), *Ethnicity and National Identity in England and Wales in 2011*. London: OFNS, 2012. 15 p.
4. *Котин И. Ю.* Голос индийской диаспоры // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 4. С. 62–71.
5. *Daljit Nagra.* Look We Have Coming to Dover! London: Faber & Faber, 2007. 55 p.
6. *Cooke R.* Hilda Ogden is my Muse. Daljit Nagra's vivid tales of immigrant life and love are electrifying the world of poetry // *The Observer*. 4.02.2007.
7. *Barkham P.* The bard of Dollis Hill // *The Guardian*. 18.01.2007.
8. Books: Tippoo Sulan's Incredible White-Man-Eating Tiger Toy-Machine!!! // Daljit Nagra. Poet-teacher. URL: <http://www.daljitnagra.com/books.php> (дата обращения: 18.04.2013).
9. *Misra V.* Voices from the Diaspora // *The Encyclopedia of the Indian Diaspora*. Singapore: Didier & Millet, 2006. P. 120–139.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.